М.Ю.Люстров

УХОД ПАТРИАРХА НИКОНА КАК ПОДРАЖАНИЕ ОБРАЗЦАМ

(к вопросу о самосознании московского патриарха)

В XVII в. в России появляется новый тип церковного деятеля: воинствующего обличителя, неистового, упрямого, беспощадного к врагам церкви и к своим противникам бойца. Вера участников раскола в истинность отстаиваемых идеалов и осознание своей роли в происходящих событиях способствовали формированию их представления о собственной избранности. По мнению М.Б.Плюхановой, эпоха породила гигантов, ощущающих свою грандиозность, не знающих пределов своей воли. В их лице "опыты русского индивидуального самосознания достигают сверхчеловеческих размахов"[1]. По всей видимости, именно такой личностью был московский патриарх Никон.

Г.Флоровский отмечал, что "Никон принадлежал к числу тех странных людей, у которых словно нет лица, но только темперамент... в нем была историческая воля, волевая находчивость, своего рода "волезрение"[2]. М.Б.Плюханова находит проявление неуемности Никона в его методах проведения церковной реформы, в "попытках присвоения функций царской власти", в самовольном оставлении патриаршего престола[3]. Последнее обстоятельство рассматривалось исследователями как важнейшее событие в жизни и деятельности патриарха (по мнению М.В.Зызыкина, "уход Никона является центральным фактом его патриаршества")[4]. Никону же оставление престола позволяло проводить аналогии с некоторыми событиями священной и церковной истории. Выявлению таких сопоставлений (содержащихся в различных текстах: в нравоучениях, в письмах союзникам, в доносах и т. п.), а также анализу возникшей из-за этого полемики между опальным патриархом и его противниками посвящена предлагаемая статья.

Уходу Никона предшествовали следующие факты: 6 июля 1658 г. сопровождавший прибывшего в Москву грузинского царевича Теймураза окольничий Богдан Хитрово ударил патриаршего человека и выругал патриарха, царь же не удовлетворил просьбу Никона о немедленном наказании виновного. 8 июля царь не присутствовал на совершаемых патриархом службах праздника Казанской Божией Матери. И, наконец, 10 июля 1658 г. в праздник в честь Ризы

Господней царь Алексей Михайлович через князя Юрия Ромодановского объявил патриарху Никону о своем гневе. В тот же день опальный патриарх добровольно оставил кафедру[5]. Заявив после службы в Успенском соборе 10 июля 1658 г. об оставлении патриаршего престола, Никон открыл новую страницу своей жизни, из всевластного правителя, заменявшего царя Алексея Михайловича во время его польского похода, превратился в изгнанника.

Загадочность и внешняя немотивированность ухода Никона порождали различные интерпретации этого поступка. Так, М.В.Зызыкин считал, что "своим уходом от зла он (Никон — М.Л.) прибегнул к мере архипастырского воздействия, как показывает вся обстановка его ухода по исследованиям проф. Николаевского и Пальмера и собственное поучение Никона в Успенском соборе"[6]. Здесь Зызыкин полемизирует с Н.Ф.Каптеревым, отмечавшим, что сам Никон в разное время менял свое отношение к этому событию: он отрекся от престола "в пылу гнева и неудовольствия на государя... и скоро стал мечтать о своем возвращении на патриаршество"[7]. При этом Каптерев приводил многочисленные противоречия в позднейших объяснениях Никоном этого поступка. В своих посланиях бывший патриарх называл разные причины оставления им кафедры. Вместе с тем взаимоисключающие разъяснения Никона позволяют выявить те образцы, на которые московский патриарх ориентировал свое поведение. Оставление кафедры Никон объясняет примером того или иного исторического лица. При этом один из главных жизненных ориентиров московского патриарха возникает в самой речи Никона, произнесенной им в Успенском соборе 10 июля 1658 г.

* * *

Важнейшим источником информации о происшедшем в Успенском соборе являются свидетельские показания присутствовавших на службе. Из сказок крутицкого митрополита Питирима, архиепископа Иоасафа, игумена Иосифа, протопопа Михаила, причетника Гавриила и дьяка Ивана Щепоткина следует, что после литургии Никон читал 29 беседу Иоанна Златоуста и нравоучение "Какову достоит быти учителю". Так, по утверждению последнего, "...патриарх Никон... после службы на амвоне поучения чел от бесед апостольских, каков велик чин святительства и какову подобает быти архиерею..."[8]. Обращение Никона к "Книге бесед" представляется вполне закономерным, поскольку "толкования Иоанна Златоуста на послания апостола Павла" были любимой "святой книгой" московского патриарх: к этому сочинению Никон обращался в самые ответственные и тяжелые моменты своей жизни. Однако в Успенском соборе указанный текст был прочитан перед большой аудиторией, то есть не только утешал невинно пострадавшего (за чтением этой книги

патриарха застают сразу после низложения в 1666 г.[9]), но и объяснял присутствующим причины этого поступка.

Фрагменты речи патриарха Никона обнаруживаются также в показаниях свидетелей. Так, в сказке подьяка Федора Трофимова читаем: "Егда патриарх Никон оставил патриаршество, тогда по поучении говорил так: я сам окрастовел и вас от коросты не избавил, волну имал, а о овцах не радел: и я отселе вам несть патриарх..."[10].

Зафиксированные свидетелем слова патриарха напоминают библейскую цитату (Иезекииль 34:2-4) из указанного нравоучения Златоуста: "Егда ли пасут пастырие себе; не пасут ли овец. Оныи же [иудейские учителя — *М.Л.*] противное творяху, млеко бо, рече, снедает, и волною одеваете ся..., а овец не пасосите"[11]. Можно предположить, что в своей речи Никон цитирует Златоуста. Однако другие свидетели, приводящие фрагменты речи патриарха, обходят молчанием эти слова из нравоучения Златоуста. Так, в сказке митрополита Питирима зафиксировано следующее высказывание Никона: "...ленив я был учит вас; не стало меня на это; от лени я окоростовел, и вы, видя мое к вам неучение, окоростовели от меня. От сего времени не буду вам патриархом"[12]. По всей видимости, цитату из Златоуста подьяк принял за фрагмент устного выступления патриарха.

Подчас же отрывки речи Никона воспринимаются допрашиваемыми как часть текста Златоуста. Так, причетник Гаврилка заявляет: "...как святейший патриарх Никон служил божественную литургию и поучал народное христианство во апостольских посланиях толком Иоанна Златоуста во нравоучениях; и како пришел до строки "кормило згнило и корабль опровержеся", и во всю великую церковь молвил: к тому не буду патриархом вам..."[13]. Другой свидетель, подьячий Петр Федоров, не присутствовал при произнесении всей речи патриарха, Однако услышанное им практически дословно повторяет показания причетника: "...а что слышал на исходе поучения от патриарха: взял де на себя корабль великий, правил и править не возмог, у корабля кормило згнило и корабль опровержеся"[14]. Из этих свидетельств следует, что указанная метафора является частью нравоучения, читается Никоном.

В то же время некоторые свидетели пассаж о корабле представляют как часть *речи* Никона. Так, сретенский протоиерей Андрей заявляет, что "...после литоргии патриарх чол поучения, и после поучения говорил: не могу де сего великого корабля править, да не буду я московским патриархом..."[15]. В прочитанном Никоном нравоучении Иоанна Златоуста слова о кормиле и корабле отсутствуют, следовательно, они были произнесены после чтения Златоуста, не являлись цитатой из текста святителя.

Ошибки свидетелей Никон объясняет их злым умыслом, желанием оклеветать невиновного. Однако опальный патриарх опровергает

лишь те части свидетельств, где говорится о его клятвенном оставлении кафедры. Противоречия, выявленные в результате анализа показаний очевидцев, не интересуют Никона, не рассматриваются им как умышленная подтасовка. Так, в послании к газскому митрополиту Паисию 1662 г. Никон пишет: "И собрав царь всех архиереев, яже суть зде, и не сказа им о яже суть вышеписанном ничтоже о нашем отшествии, но сотвори написати скаски лживыми некоими человецы у себя в царских полатах, инех же и муками устращая повелел написать, что бутто волею мы оставили престол с клятвою еже о неких глаголетца, яко и мзду архиереом, архимандритом и игуменом царь того ради давал, яко да припишут на мя руки, да не буду я патриархом"[16].

Итак, источником информации об оставлении Никоном патриаршества являются не очень точные показания свидетелей (фрагменты этой речи приводятся самим Никоном в его возражениях на вопросы боярина Стрешнева и ответы Паисия Лигарида), однако, их достоверность можно оценивать столь же критически, как и данные свидетелей[17]. По всей видимости, подьяк Федор Трофимов и причетник Гаврилка ошибаются в деталях, смешивают текст Златоуста и речь Никона: подьяк выдает цитату из Златоуста за фрагмент речи патриарха, причетник же слова Никона представляет как часть нравоучения. Эти ошибки представляются не случайными. Они указывают на невозможность для аудитории четко разделить книгу Златоуста и слова самого патриарха (правда, Зызыкин полагал, что некоторые ошибки свидетелей должны были скомпрометировать московского патриарха[18]). Связывая свое выступление с беседой Златоуста, Никон создает единый текст, состоящий из нравоучения святого и своей речи.

По мнению П.Ф.Николаевского, "нравоучение... этой беседы давало обильный материал... для тех сопоставлений и обращений к своим слушателям, которые он (Никон — М.Л.) потом развил в своей импровизированной речи"[19]. Однако соответствия привлеченного опальным патриархом нравоучения Златоуста и его собственной речи выходят за рамки отношения двух текстов. Их сходство определяется единством позиций и самооценок обоих авторов-патриархов. Уничижительные самохарактеристики Никона соотносятся со словами Златоуста, призывающего следовать не за собой, а за *истинными* пастырями: "Сия же и о изящных речена быша пастырех, не о мне самом, ни о иже подобных нам: но аще кто таков, яков Павел бысть, яков Петр, яков Моисий, сих убо подражаимо и началници и начинаеми"[20]. Таким образом, Никон относит себя к числу "подобных" автору "Книги бесед", уподобляется самому Златоусту. Следовательно, в произнесенной в Успенском соборе речи Никон не просто отталкивался от авторитетного источника, но и объявлял своего "первообразного".

В дальнейшем московский патриарх сопоставлял свою жизнь с житием Златоуста, продолжая рассматривать фигуру этого святого как свой жизненный ориентир. Материал показывает, что уход с патриаршей кафедры Никон расценивал как изгнание, аналогичное ссылке Иоанна Златоуста. Правда, на начальном этапе раскола подражание Иоанну Златоусту имело широкое распространение среди боголюбцев.

* * *

Позиция константинопольского патриарха, ратовавшего за "мирскую правду", бичевавшего общественные пороки, следовавшего в жизни своему учению и пострадавшего за него, становится чрезвычайно близкой всем ревнителям древнего благочестия. Так, в "Житии Ивана Неронова" отмечается, что в созданной этим протопопом церкви был установлен престол Иоанна Златоуста, "понеже зело возлюби житие его, и непрестанно простираша в народ учение его, и последоваша стопам того"[21]. В своих посланиях (например, в послании Симеону или в послании "стаду верных") протопоп Аввакум сопоставляет свою жизнь с судьбой святого. Предполагалось, что патриарх Никон, отдававший предпочтение творениям Иоанна Златоуста[22], и "в жизни хотел бы повторить Златоуста"[23].

Последнее замечание находит подтверждение в многочисленных высказываниях патриарха Никона. В документах, имеющих отношение к оставлению патриаршего престола, Никон и его современники неоднократно сопоставляли обстоятельства жизни и поступки константинопольского и московского патриархов.

Сам Никон полагал, что причина его злоключений скрывается в подражании этому святому; тем же объясняется и удивительная схожесть судеб обоих патриархов. Так, говоря в письме к Никите Зюзину (3 февраля 1660 г.) о своем удалении от мира зла и несправедливости, о своей жалости к этому обреченному миру ("Благообразно нам ваше страдание без правды"[24]), Никон объявлял своих "первообразных", список которых открывался именем Иоанна Златоуста. Приводя в челобитной царю (декабрь 1661 г.) примеры незаконно осужденных, патриарх Никон писал: "...изгнася Иоанн Златоуст, паки на свой престол по смерти изгнавших возвратись и обиду вдовицы виноград по смерти определи"[25]. В 1663 г. патриарх объяснял свое осуждение и изгнание приверженностью, подобно Златоусту, "правде". Присутствовавшие на молебне 19 июля 1663 г. показывали, что Никон говорил: "...царь де благочестив да не по правде судит, изгнал де мя вон, а слушает пулкаго человека, а я де стоял не за пулкое деля и меня за то изгонили, а Иоанн Златоуст и за един сад пострадал"[26]. На соборе 1666 г. Никон продолжал сравнивать свою судьбу с судьбой Златоуста. Отвечая Илариону Рязанскому, обвинявшему Никона в оскорбительных для

патриаршества писаниях, патриарх заявлял: "Я того не говорил и не писал. Не токмо меня, но и Иоанна Златоуста изгнали неправдою"[27].

Таким образом, на протяжении нескольких лет Никон обращался к одному и тому же фрагменту жития Иоанна Златоуста, сопоставлял свой уход с изгнанием свидетеля.

Из отдельных высказываний сочувствующих Никону современников следует, что бывший патриарх также уподоблялся ими Златоусту. При этом слава Никона как второго Златоуста распространялась и за пределами России. Например, дьяк Мелетий в 1664 г. доносил Лигариду о некоем антиохийском архимандрите, "убо иже егда еще в Ясех писах ко многим сущим в Константинополи Никона быти другаго Златоуста"[28]. Агент Лигарида передавал, что царь постоянно советуется с Никоном, в то время как бояре всячески интригуют против царского любимца и защитника восточной церкви.

После смерти царя Алексея Михайловича настоятель и братия Воскресенского монастыря послали царю Федору Алексеевичу прошение о возвращении Никона из ссылки: "...уподобихомся Константинополянам, умолившим Благочестивейшаго Царя Феодосия о возвращении Иоанна Златоустаго от Коман: яко и до сего времени моления не простроховм о отце нашем, избавльшем нас от глада непослушания словес Божиих"[29].

Дальнейшие события позволили Никону и его союзникам продолжить аналогии. К началу 80-х гг. XVII в. в России вновь разыгрывалась византийская история V в., главным героем которой являлся патриарх Никон: кроме письма царю от новых константинополян — воскресенцев, сам Никон получил письмо от Федора Алексеевича. Подобно императору Феодосию, молившему Иоанна Златоуста вернуться из ссылки, Федор Алексеевич склонялся перед осужденным патриархом Никоном и объявлял о его возвращении: "О Св. Дусе отцу нашему Никону патриарху грешный царь Федор и с супругою своею поклон сотворяем и чести твоей возвещаю, аще Бог повелит сему писанию вручится тебе, и ваша честность да весть что, надеялся на Бога, преведение твое не умедлит быти... И посем я грешный царь Феодор и с женою своею благословения вашего при свидании вашем с нами и чрез писание желаем"[30].

Для Никона и его современников возвращение константинопольского и московского патриархов были абсолютно одинаковыми: даже тот факт, что Златоуст был "реабилитирован" посмертно, а Никон — при жизни, не являлся принципиальным (это обстоятельство подтверждается другими западноевропейскими и русскими средневековыми текстами[31]).

Таким образом, после оставления патриаршего престола Никон начинает узнавать в современных событиях византийскую историю V в., отводя себе роль нового Златоуста: патриарха, отстаивавшего

"мирскую правду", изгнанного с престола и возвращенного раскаявшимся потомком согрешившего монарха[32].

* * *

Вместе с тем из принадлежащих Никону текстов можно выявить тех героев священной и церковной истории, на которых ориентировался московский патриарх. Так, в цитированном выше послании Никона Паисию Лигариду (июнь 1662 г.) находим: "И наше отхождение не нерадения ради еже от стада нашего есть, но некако и божественно мнитца нам быти по писанном во евангелии, яко множицею и Христос от навета Иродова и июдейских тайно и явно отходил и бегал, тако же и апостоли, якоже Павел от Дамаска и Петр от темницы избежа, и прочии, такожде и в первосвятителех, якоже Григорий Богослов и Афанасий Великий являются отходя мучительских ради гонений"[33]. Таким образом, Никон последовательно подражал Христу, апостолам и первосвятителям. На подражании Никона Христу необходимо остановиться отдельно.

Подчас бывший патриарх доходит до обнаружения полного параллелизма евангельских событий и своей биографии (вопрос о допустимости в Древней Руси имитаций поступков Христа и посвященная этому предмету литература рассматривается в указанной статье М.Б.Плюхановой[34]). Так, из показаний "бывших на молебне при служении патриарха Никона 19 июня 1663 г." следует, что именно таким образом бывший патриарх толковал евангелие от Иоанна: "...Евангелие зачало 43-е: Сия глагола Исус и отшед скрылся от них. Он же (Никон — М.Л.) толковал: и я де от них скрылся и дал им место, и они мя и зде нашли... Евангелие, зачало 44-е: начат умывати ноги учеником и отирати лентием, им же бе препоясан. Он же толковал: мы де Роману (Боборыкину — одному из обидчиков Никона — М.Л.) ноги омывали и утирали и целовали, а Роман аки Июда привел на мя злая, митрополита аки Киафу... Евангелие, зачало 45-е: Ядый со мною хлеб и воздвиже на мя пяту свою. Он же толковал: той же де митрополит Киафа, пришел в келию, воздвиг на мя многие от фарисей злая словеса"[35]. Такое толкование Евангелия воспринималось современниками как проявление непомерной гордости бывшего патриарха, а отождествление себя с Христом вызывало мгновенную реакцию со стороны оппонентов Никона. Так, на переданные ему 22 июля 1663 г. "никоновы тетради" (молебен, на котором Никон привел указанные выше аналогии, проходил 19 июля) Паисий отвечает уже 23 июля: "...дерзнул сие неистовою своею дерзостию себе не токмо нарицати Василия, Златоустаго, апостола Христова ученика, но Христа; оле гигантовы и более диавольской гордости, ты Христос? Ты Иисус?"[36].

Враги Никона не просто осуждали его за столь смелые сопоставления, но оспаривали претензии бывшего патриарха. Если на соборе

1666 г. одним из пунктов обвинения Никона было не доказанное и не оспоренное сравнение митрополитов и бояр с Анной, Киафой, Иродом и Пилатом[37], то для опровержения никоновских претензий был использован простой полемический прием: Никон сравнивался со своим предполагаемым образцом. В том же послании Лигарида находим: "Киими глаголы, киими делы виде толь святое имя приемлеши и восхищаеши? О человече, фарисейскою гордостью напыщенный? Христос бием бысть, ты же свирепо биеши не токмо мирских, но святых чином подлежащих... Христос, яко агнец неразверзе уста своя на злословящих, ты же износиши на архиереи насильствуяй"[38].

Этот прием использовался не только для опровержения, но и для обвинения московского патриарха. В таком случае сравнение с Христом показывало несостоятельность Никона как патриарха, а не являлось ответом на его претензии. В грамоте хиосского митрополита Кирилла царю Алексею Михайловичу (14 мая 1660 г.) находим: "Владыка Христос учаше ученики своя смирению, и той величанием; Христос непамятозлобию, и той памятозлобию; Христос излия кровь свою нас ради, и той не претерпе ниже слово студное; Христос учаше: да покарятся царем, и той противляшеся цареви, ослепи бо его злоба его"[39]. Сопоставления Кирилла основываются на иной базе, нежели рассуждения Паисия: если, по Лигариду, предложенные Никоном аналогии выдают его нечеловеческую гордость, то для хиосского митрополита Никон вопреки сану оказался недостойным *своего образца* и *"предшественника"* (Никон "...уча иных, себе не учаша и не подражаше Владыку Христа и *перваго патриарха* и Бога[40]). Поэтому если своей репликой Лигарид реагирует на заявления Никона, то Кирилл утверждает, что Никон *изменил* своему образцу. Эта мысль содержится в датированной тем же 1660 г. "челобитной царю Алексею Михайловичу о скорейшем избрании патриарха вместо Никона": "Не образ бо нам Феофил, патриарх александрийский, иже все церковное имение на здание каменнаго строения истощи, последа же блаженнаго Исидора, вдовича ради имения, еже Исидора нищим вручи, паче же тех ради Богу вмале смерти не преда, но ища Исидора до десяти тысящ пустынников погуби. Христос нам образ: сам первее пострада по нас, такожде и самовидцы и слуги Словесе Божия, святии его ученицы и Апостоли, и святии отцы вселенстии учителие, не о зданиях каменнаго строения упражняющеся, но о спасении душ день и нощь пекущеся"[41].

Таким образом, противники Никона предлагают те же параллели, что и сам Никон; но если из сопоставлений московского патриарха следует полное сходство фактов его биографии и евангельских событий, то оппоненты приходят к диаметрально противоположным выводам. При этом исходные представления Кирилла и Никона о роли и значении патриарха оказываются абсолютно одинаковыми. Уподобление Христу оказалось возможным не только благодаря неким

индивидуальным чертам характера опального иерарха, но и ввиду того, что Никон осознавал себя патриархом, фигурой, "заменяющей" Христа[42]. Так, в разделе Кормчей (1653 г.), рассказывающем о разрешении поставления московского патриарха, указывается на имитацию этой церемонией новозаветных событий: "...да поставляется рече, и возводится на превысочайший престол патриаршеский, и рукополагается от старейшаго под ним митрополита, ...образ Христов подражающе во всем, яко и сам слово божие, от раба прият крещение, понеже бо невысокая света сего гоняща, но во всем смиренномудрия образ лобызающе и соблюдающе..."[43]. В послании царю Алексею Михайловичу (март 1659 г.) Никон протестовал против участия в "действе хождения на осляти" крутицкого митрополита Питирима: "...аще *раб* царская начнет творити, не точию чести достоин, но вместо живота смерти достоин той..."[44]. По допетровской традиции во время недели Ваийи только патриарх мог представлять входящего в Иерусалим Христа[45].

В своих текстах Никон напрямую уподоблял патриарха Христу: "Патриарх есть образ жив Христов и одушевлен, делесы и словесы в себе живописуя истину"... "Первый архиерей во образ Христов, а митрополиты и архиепископы и епископы во образ учеников и апостол"[46].

Однако применительно к Никону подобные сопоставления могли послужить основой для новых обвинений. Поэтому бывший патриарх отвергал упреки в сравнении себя с Христом, соглашался с преступностью этих аналогий, объяснял их происками врагов. Отвечая на заявление Лигарида (также сделанное 23 июля 1663 г.), "...что он называетца Иисус Христом. И он сказал, что он не назывался, то на него лгут"[47]. Следовательно, вопрос об отождествлении Никона с Христом действительно был важным в полемике, развернувшейся вокруг фигуры московского патриарха. При этом один и тот же прием использовался и при критике деятельности Никона в период его патриаршества, и при разоблачении его претензий.

* * *

Тот же прием сравнения оппонента с фигурой священной или церковной истории использовался и для отождествления Никона с Иоанном Златоустом. Правда, эта аналогия никогда не ставилась Никону в вину, обходилась вниманием его врагов. По всей вероятности, в ориентации на Златоуста не находили особенного проявления гордости московского патриарха (в цитированных выше ответах Паисия Лигарида на "никоновы тетради" указывается, что сравнение Никона с апостолами, Василием и Златоустом меркнет перед попытками уподобиться Христу). Итак, предложенное критиками патриарха Никона сравнение с Иоанном Златоустом не опровергало претензий опального иерарха.

Сам главный противник Никона — Паисий Лигарид — предлагал московскому патриарху подражать Златоусту. Разбирая в послании к Никону (12 июля 1662 г.) его жалобу на собор ("выпрядающий неспрядная: Пинелопи образом платно разрешающий божественных правил"), Паисий приводит пример незаконного осуждения Иоанна Златоуста ("Златоустый не оклеветася ли?"[48]). Ориентация московского патриарха на константинопольского предшественника ожидается оппонентами патриарха: Никон и Златоуст являются "стольными святителями", попавшими в опалу. Однако, оказавшись в положении Златоуста, Никон, по их мнению, ведет себя совсем не так достойно, как Иоанн, сами вины российского патриарха кажутся более очевидными при сравнении с поступками Златоуста. В "Черновом списке деяний собора российских архиереев" (1666 г.) находим: "Он (Иоанн Златоуст — *М.Л.*) бо аще и изгнание подья, но кротостию отъиде. Заповеда же и Алимпиаде с прочими, поставленному по нем в церкви, по нужди или советом всех, повиноватися тому, яко же самому Иоанну, не может бо, рече, церковь без епископа быти"[49]. Никон же, оставив паству, не просто допустил "вдовство" русской церкви, но своими условиями препятствует установлению порядка.

В этом списке Златоуст представлен как пример для подражания патриарха Никона: "Подражатель же незлобивого Владыки Христа и соученик святых апостол, златый языком Иоанн, извержен неправедно сана архиерейского, из церкви изгнан; по изгнании в третий день сам вдадеся, и никогоже кляше, возвращен же от изгнания и нудим царем и царицею, не хотяше внити в град, дондеже народ приведе их с нуждою. Во второе же изгнание радовашеся яко изгнан бысть, а никого же кляша, аща и пришед огнь от Бога, пожже тамо сущая здания, но не по его прощению"[50]. Никон же грозил своим судьям кометой (действительно, Шушерин отмечал следующее обращение Никона к своим судьям: "разметет убо вас сия метла, явльшаяся на небеси хвостовая звезда, иже нарицается комета"[51]).

Иногда же противники Никона сравнивали московского и константинопольского патриархов в их отношении к одному из центральных событий жития Златоуста — заступничеству перед императрицей за вдову Феогноста. Так, в краткой записке о соборном заседании 3 декабря 1666 г. находим: "Златоуст де Иван стоял за вдову, за виноград ея и говорил царице, чтоб отдал виноград ея, а с нее де вотчины не взял; а про Никона де слышим, что многие монастыри и вотчины себе поимал"[52]. Таким образом, применительно к Никону один и тот же фрагмент из жития Златоуста интерпретировался противоборствующими сторонами по-разному: если Никон упоминал сад феогностовой вдовы для указания на сходство судеб всех правдоискателей, то его противники сопоставляли этот сад с

присвоенными Никоном землями и строениями, использовали его для обличения патриарха.

Итак, Никон и его противники одинаково часто сопоставляли московского патриарха с Иоанном Златоустом. Однако из этого сравнения делались диаметрально противоположные выводы: если Никон говорил о полном тождестве византийских и русских событий, то для его врагов разница в поведении Златоуста и Никона была очевидна.

Однако, говоря об оставлении патриархом своей кафедры и останавливаясь на этой византийской истории, противники московского патриарха обходили вниманием актуальный для Никона вопрос о схожести гонителей V и XVII вв. Следовательно, для прибегавших к историческим аналогиям обличителей московского патриарха было важно не сопоставление всех действующих лиц древней и современной трагедий, но "вычленение" роли осуждаемого патриарха. В свою очередь, объявляя своих "первообразных", патриарх Никон предполагал полное отождествление древних и современных событий. Так, с точки зрения Никона, Роман Боборыкин становится новым Иудой, Паисий Лигарид — новым Киафой, судьи Никона — новыми судьями Златоуста, а царь Алексей Михайлович — новым венценосным гонителем "градского святителя".

Таким образом, признанный современниками Никона "гигантизм" московского патриарха нашел свое проявление и в его выборе главнейших образцов. Конечно, представленные высказывания Никона и его современников вовсе не исчерпывают те образы, на которые московский патриарх ориентировал свое поведение. Больше того, в текстах Никона апостолы, Афанасий Великий, Григорий Богослов, Василий Великий, митрополит Филипп встречаются не намного реже, чем указанные выше фигуры. Однако, в силу рассмотренных причин, уподобление Христу и Иоанну Златоусту играет особую роль при объяснении Никоном своего оставления патриаршей кафедры. Выбор московским патриархом этих "первообразных", также "изгнанных неправдою", оказывается вполне в духе времени и при этом указывает на некие индивидуальные особенности самосознания патриарха Никона.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Плюханова М.Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 3. С. 389.

[2] Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 63.

[3] Плюханова М.Б. Указ. соч. С. 389.

[4] Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи М., 1995. Ч. 2. С. 190.

[5] Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. М., 1996. Т. 1. (Репринтное воспроизведение издания: Сергиев Посад, 1909–1912). С. 394–398.

[6] Зызыкин М.В. Указ. соч. Ч. 1. С. 19.

[7] Каптерев Н.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 417–418.

[8] Гиббенет Н.А. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882. Ч. 1. С. 42.

[9] Шушерин И. Житие святейшаго патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком. СПб., 1784. С. 130.

[10] Гиббенет Н.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 47.

[11] Иоанн Златоуст. Беседы на 14 посланий апостола Павла. Киев, 1623.

[12] Макарий, митрополит. История русской церкви. СПб., 1883. Т. 12. С. 316.

[13] Дело о патриархе Никоне. М., 1897. С. 45.

[14] Гиббенет Н.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 43.

[15] Там же. Ч. 1. С. 185.

[16] Там же. Ч. 1. С. 224.

[17] Там же. Ч. 1. С. 31.

[18] Зызыкин М.Ф. Указ. соч. Ч. 2. С. 352.

[19] Николаевский П.Ф. Обстоятельства и причины удаления патриарха Никона с престола. СПб., 1882. С. 14.

[20] Иоанн Златоуст. Беседы на 14 посланий апостола Павла... О златоустовском "смирении" патриарха Никона см.: Зызыкин М.Ф. Указ. соч. Ч. 2. С. 351.

[21] Материалы по истории раскола. М., 1875. Т. 1. С. 262.

[22] Каптерев Н.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 358.

[23] Флоровский Г. Указ. соч. С. 67. См. также: Терновский Ф. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси. Киев, 1875. Вып. 1. С. 54–55.

[24] Гиббенет Н.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 495.

[25] Там же. С. 510.

[26] Там же. С. 615.

[27] Там же. С. 356.

[28] Там же. С. 658.

[29] Аполлос. Начертания жития и деяний Никона, патриарха Московского и всея России. М., 1859. С. 60.

[30] Цит. по: Николаевский П.Ф. Жизнь патриарха Никона. СПб., 1886. С. 128.

[31] Люстров М.Ю. Земные средства общения с небожителями в Средневековье // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. № 9. С. 338–345.

[32] Подобие судеб двух опальных патриархов поражало первых исследователей. В статье М.Сухотина об английском авторе труда по истории русской церкви A.Stanley находим следующую цитату из "Lectures of the History of the Eastern Church": "Фотий в девятом столетии и Златоуст в четвертом в некоторых отношениях напоминают нам карьеру Никона. Это сходство может доказать нам, что на расстоянии шести столетий один и тот же дух одушевляет две главные отрасли восточной церкви" (Сухотин М.М. Станлей // Православное Обозрение. 1862. № 7. С. 355).

[33] Гиббенет Н.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 224–225.

[34] Плюханова М.Б. Указ. соч. С. 414.

[35] Гиббенет Н.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 615.

[36] Там же. Ч. 2. С. 63.

[37] Там же. Ч. 2. Как правило, указаний на образец удостаивается центральны герой, действующий в древнерусском произведении. При этом образец может представляться как результат сознательного выбора героя. Если положительные персонажи подражают почитаемым предшественникам, то враги, в представлении автора, в качестве своих исторических учителей выбирают преступников. Так, в редакции А "Жития протопопа Аввакума" находим следующий рассказ о расстрижении противников церковной реформы: "Потом полуголову царь прислал со стрельцами и повезли меня на Воробьевы горы; тут же священника Лазаря и инока Епифания старца; острижены и обруганы, что мужички деревенские, миленькие!... Христос и лутче их был, да тож ему свету нашему, было от прадедов их, от Анны и Каиафы; а на нынешних и дивить нечева: с обрасца делают" (Робинсон А.Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. М., 1963. С. 168).

[38] Гиббенет Н.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 632.

[39] Дело о патриархе Никоне... С. 83.

[40] Там же. С. 82.

[41] Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 177–178. Представление о Никоне как о новом Феофиле — главном враге Иоанна Златоуста можно найти и в посланиях протопопа Аввакума: "Слово в слово изначала у нас бысть так же. При духовнике протопопе Стефане Алексеюшко-то с Марьюшкой добры до нас были и гораздо, яко Аркадий и Евдоксия ко Иоанну. Егда же огорчило житие святое, яко и мед ядущим много,— возьми да понеси, рассылай в ссылки, стриги, проклинай! Новый Феофил, александрийский епископ, имеяй дух пытливый,— Никон: Златоуста — в Куксы арменския, потом в Каманы; Аввакума протопопа — в Сибирь, в Тоболеск, потом в Дауры" (Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 153).

[42] Вопрос о сокрализации московского патриарха вообще и патриарха Никона в частности ставится в статьях: Плюханова М.Б. О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 191–192; Живов В.М. Успенский Б.А. Царь и Бог. Семиотически аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 101, 102, 110. См. также: Успенский Б.А. Царь и патриарх. М., 1998. С. 103–107.

[43] Кормчая. М., 1653.

[44] Дело о патриархе Никоне... С. 5.

[45] См.: Савва В. Московские цари и византийские василевсы (к вопросу о влиянии Византии на образование царской власти московских государей). Харьков, 1901. С. 158–175.

[46] Цит. по: Каптерев Н.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 130.

[47] Гиббенет Н.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 630.

[48] Там же. Ч. 1. С. 235.

[49] Дело о патриархе Никоне... С. 238.

[50] Там же. С. 237.

[51] Шушерин И. Указ. соч. С. 82.

[52] Гиббенет Н.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 1084.